

Джон Голсуорси

Сага о Форсайтах.
Сдаётся внаём

Перевод с английского
Надежды Вольпин

ФТМ

Хроники семьи Форсайтов

Джон Голсуорси

Сдаётся внаём

«ФТМ»

1921

Голсуорси Д.

Сдаётся внаём / Д. Голсуорси — «ФТМ», 1921 — (Хроники семьи Форсайтов)

ISBN 978-5-4467-1321-9

В ноябре 1932 года Джон Голсуорси стал лауреатом Нобелевской премии по литературе «за высокое искусство повествования, вершиной которого является «Сага о Форсайтах». Страсть, предательство, любовь, ненависть, счастье, отчаянье... Автор показал Англию конца XIX – начала XX века, воссоздав в художественных образах историю клана Форсайтов во времена его «цветения» и упадка. «Сдается внаем» – заключительная часть саги.

ISBN 978-5-4467-1321-9

© Голсуорси Д., 1921
© ФТМ, 1921

Содержание

Часть первая	5
I. Встреча	5
II. Хитрая Флер Форсайт	16
III. В Робин-Хилле	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джон Голсуорси

Сдаётся внаём

*От чресл враждебных родилась чета,
Любившая наперекор звездам.*

Шекспир, «Ромео и Джульетта»

Часть первая

I. Встреча

Двенадцатого мая 1920 года Сомс Форсайт вышел из подъезда своей гостиницы, Найтсбридж-отеля, с намерением посетить выставку в картинной галерее на Корк-стрит и заглянуть в будущее. Он шел пешком. Со времени войны он, по мере возможности, избегал такси. Шоферы, на его взгляд, были отъявленные невежи, хотя теперь, когда война закончилась и предложение труда снова начало превышать спрос, они становились почтительней согласно законам человеческой природы. Но Сомс им так и не простил: в глубине души он отождествлял их с мрачными тенями прошлого, а ныне смутно, как все представители его класса, – с революцией. Сильные волнения, перенесенные им во время войны, и еще более сильные волнения, коим подвергло его заключение мира, не прошли без психологических последствий для его упрямой натуры. Он столько раз в мыслях переживал разорение, что перестал верить в его реальную возможность. Чего же еще ждать, если и так приходится платить четыре тысячи в год подоходного и чрезвычайного налога!¹ Состояние в четверть миллиона, обремененное только женой и единственной дочерью и разнообразно обеспеченное, представляло существенную гарантию даже против такого «нелепого новшества», как налог на капитал². Что же касается конфискации военных прибылей, то ей Сомс всецело сочувствовал – сам он таких не имел. «Прощельги! Так им и надо», – говорил он о тех, кто нажился на войне. На картины между тем цены даже поднялись, и с начала войны дела с коллекцией шли у него все лучше и лучше. Налеты цеппелинов также подействовали благотворно на человека, по природе осторожного, и укрепили и без того упорный характер. Возможность в любую минуту взлететь на воздух приучала относиться более спокойно к взрывам небольших снарядов в виде всяческих обложений и налогов, а привычка ругать немцев за бессовестность естественно перерождалась в привычку ругать тред-юнионы – если не открыто, то в тайниках души.

Он шел пешком. Торопиться было некуда, так как они условились с Флер встретиться в галерее в четыре, а сейчас было только половина третьего. Ходить пешком Сомс считал для себя полезным – у него пошаливала печень, да и нервы слегка развинтились. Жена его, когда они жили в городе, никогда не сидела дома, а дочь была прямо неуловима и целый день «носилась по разным местам», легкомысленная, как большинство молодых девушек послевоенной формации. Впрочем, уже и то хорошо, что по своему возрасту она не могла принять участие в войне. Из этого не следует, что Сомс не поддерживал войны всей душой с пер-

---

¹ Чрезвычайный налог – во время войны 1914–1918 гг. в Англии было введено дополнительное обложение налогом больших доходов.

² Налог на капитал – одним из пунктов программы английских лейбористов после войны 1914–1918 гг., который не был осуществлен, было введение налога на капитал для погашения государственного долга.

вых ее дней, но между такою поддержкой и личным, непосредственным участием в войне родной дочери и жены зияла пропасть, созданная его старозаветным отвращением к экстравагантным проявлениям чувств. Так, например, он решительно воспротивился желанию прелестной Аннет (в четырнадцатом году ей было только тридцать четыре года) поехать во Францию, на свою «*chère patrie*»³, как она выражалась теперь под влиянием войны, и ухаживать там за своими «*braves poilus*»⁴. Губить здоровье, портить внешность! Да какая она, в самом деле, сестра милосердия! Сомс наложил свое veto: пусть дома шьет на них или вяжет. Аннет не поехала, но с этого времени что-то в ней изменилось. Ее неприятная склонность смеяться над ним – не открыто, а как-то по-своему, постоянно подтрунивая, – заметно возросла. В отношении Флер война разрешила трудный вопрос – отдать ли девочку в школу или нет. Лучше было отдалить его от воинствующего патриотизма матери, от воздушных налетов и от стремлений к экстравагантным поступкам; поэтому Сомс поместил ее в пансион, настолько далеко на западе страны, насколько это, по его представлениям, было совместимо с хорошим тоном, и отчаянно по ней скучал. Флер! Он отнюдь не сожалел об иностранном имени, которым внезапно, при ее рождении, решил окрестить дочь, хоть это и было явной уступкой Франции. Флер! Красивое имя – красивая девушка! Но беспокойная, слишком беспокойная, и своенравная! Сознает свою власть над отцом! Сомс часто раздумывал о том, какую он делает ошибку, что так трясется над дочерью. Старческая слабость! Шестьдесят пять! Да, он старится; но годы не очень давали себя знать, так как, на его счастье, несмотря на молодость и красоту Аннет, второй брак не пробудил в нем горячих чувств. Сомс знал в жизни лишь одну подлинную страсть – к своей первой жене, к Ирэн. Да! А тот бездельник, его двоюродный братец Джолион, которому она досталась, совсем, говорят, одряхлел. Неудивительно – в семьдесят два года, после двадцати лет третьего брака.

Сомс на минуту остановился, прислонясь к решетке Роттен-Роу. Самое подходящее место для воспоминаний – на полпути между домом на Парк-Лейн, который видел его рождение и смерть его родителей, и маленьким домиком на Монпелье-сквер, где тридцать пять лет назад он вкусил радости первого брака. Теперь, после двадцати лет второго брака, та старая трагедия казалась Сомсу другой жизнью, которая закончилась, когда вместо ожидаемого сына родилась Флер. Сомс давно перестал жалеть, хотя бы смутно, о нерожденном сыне. Флер целиком заполнила его сердце. В конце концов, дочь носит его имя, и он совсем не жаждет, чтобы она его переменяла. В самом деле, если он и думал иногда о подобном несчастье, оно умерялось смутным сознанием, что он может сделать свою дочь достаточно богатой, чтобы имя ее перевесило и, может быть, даже поглотило имя того счастливец, который женится на ней, – почему бы и нет, раз женщина в наши дни, по-видимому, сравнялась с мужчиной? И Сомс, втайне убежденный в неизменном превосходстве своего пола, крепко провел вогнутой ладонью по лицу и дал ей успокоиться на подбородке. Благодаря привычке к воздержанию он не разжирел и не обрюзг; нос у него был белый и тонкий; седые усы были коротко подстрижены; глаза не нуждались в стеклах. Легкий наклон головы умерял излишнюю высоту лба, создаваемую отступившими на висках седыми волосами. Не много перемен произвело время в этом «самом богатеньком» из младших Форсайтов, как выразился бы последний из старшего поколения, Тимоти Форсайт, которому шел теперь сто первый год.

Тень платанов падала на его простую фетровую шляпу. Сомс дал отставку цилиндру – в наши дни не стоит афишировать свое богатство. Платаны! Мысль круто перенесла его в Мадрид – к последней Пасхе перед войной, когда он, сомневаясь, купить ли Гойю⁵ или нет, принял путешествие с целью изучить художника на его родине. Гойя произвел на него впе-

³ «Дорогая родина» (*фр.*).

⁴ «Храбрые солдатики» (*фр.*).

⁵ Гойя Франсиско Хосе (1746–1828) – прославленный испанский живописец и офортист.

чатление – первоклассный художник, подлинный гений! Как ни высоко ценят сейчас этого мастера, решил он, его станут ценить еще выше, прежде чем окончательно сдадут в архив. Новое увлечение Гойей будет сильнее первого; о, несомненно! И Сомс купил картину. В ту поездку он, вопреки своему обычаю, заказал также копию с фрески «La Vendimia»⁶; на ней была изображена подбоченившаяся девушка, которая напоминала ему дочь. Полотно висело теперь в его галерее в Мейплдерхеме и выглядело довольно убого – Гойю не скопируешь. Однако в отсутствие дочери Сомс часто заглядывался на картину, плененный неуловимым сходством – в легкой, прямой и стройной фигуре, в широком просвете между изогнутыми дугою бровями, в затаенном пламени темных глаз. Странно, что у Флер темные глаза, когда у него самого глаза серые – у истого Форсайта не может быть карих глаз, – а у матери голубые! Но, правда, у ее бабушки Ламот глаза темные, как патока.

Он пошел дальше в направлении к «Углу» Хайд-парка. Ярче всего произошедшая в Англии перемена отразилась на Роттен-Роу. Родившись в двух шагах отсюда, Сомс помнил Роу с 1860 года. Сюда приводили его ребенком, и он, выглядывая из-за кринолинов, глазел на всадников с бакенбардами в тугих лосинах – как скакали они мимо, рисуясь своей кавалерийской посадкой, как снимали учтиво белые с выгнутыми полями цилиндры; самый воздух дышал досугом; колченогий человечек в длинном красном жилете вечно терся среди модников, держа на сворках несколько собак и все набиваясь продать одну из них его матери: болонки кинг-чарлз, итальянские борзые, питавшие явное пристрастие к ее кринолину, – их теперь не увидишь нигде. Не увидишь ничего изысканного: сидит унылыми рядами рабочий люд, и не на что ему поглядеть, разве что проедет, сидя по-мужски, краснощекая толстушка в котелке или проскачет житель дальней колонии на невзрачной лошаденке, взятой напрокат; трусят на приземистых пони маленькие девочки, катаются для моциона старички да пронесется изредка ординарец, проезжая крупного, резвого скакуна; ни чистокровных жеребцов, ни грумов, ни поклонов, ни шарканья ножкой, ни пересудов – ничего; только деревья остались те же – безразличные к смене поколений и к упадку рода человеческого. Вот она, демократическая Англия – всклокоченная, торопливая, шумная и, видимо, с обрубленной верхушкой. Сомс почувствовал, как у него в груди зашевелилась какая-то брезгливость. Замкнутая твердыня чинности и лоска невозвратно канула в вечность. Богатство осталось – о да! Он и сам богаче, чем был когда-либо его отец; но манеры, но вкус и достоинство – этого больше нет: все смешалось в толчее громадной, безобразной, пропахшей бензином галерки. То здесь, то там промелькнут маленькие затертые оазисы учтивости и хорошего тона, единичные и жалкие – *chétifs*⁷, как сказала бы Аннет; но ничего прочного и цельного, что могло бы порадовать глаз. И в эту мешанину дурных манер и распущенных нравов брошена его дочь – цветок его жизни! А если заберут в свои руки власть лейбористы – неужели это им удастся? – вот когда наступит самое худшее!

Он прошел под аркой, с которой сняли наконец – слава богу – уродливый землисто-серый прожектор. «Навели бы лучше прожекторы на дорогу, по которой все они идут, – подумал он, – осветили бы свою пресловутую демократию», – и он направил стопы свои по Пикадилли, минуя клуб за клубом. В фонаре «Айсиума» сидит, несомненно, Джордж Форсайт. Джордж так раздобрел, что проводит в клубе почти все свое время – некий недвижимый, насмешливый, сардонический глаз, наблюдающий падение людей и нравов. И Сомс ускорил шаг, так как чувствовал себя всегда неловко под взглядами своего двоюродного брата. Джордж, как он слышал, в разгар войны написал воззвание за подписью «Патриот», в котором жаловался на истерию правительства, снижающего рацион овса скаковым лошадям. Да, вот он сидит, высокий, грузный, элегантный, чисто выбритый, со слегка поредевшими гладкими волосами, от которых неизменно

⁶ «Сбор винограда» (исп.).

⁷ Хрупкие, хилые (фр.).

пахнет превосходным одеколоном, и держит в руке неизменный розовый листок спортивной газеты. Джордж не меняется! И может быть, в первый раз у Сомса забилося под жилетом теплое чувство к этому пересмешнику. Его дородность, его безукоризненный пробор, тяжелый взгляд его бычьих глаз являлись гарантией, что старый порядок не так-то легко свалить. Он увидел, что Джордж пригласительно машет ему розовым листком – верно, хочет справиться насчет своих денег. Его капитал все еще находился под опекой Сомса: вступив компаньоном-пайщиком в юридическую контору двадцать лет назад, в тот мучительный период своей жизни, когда он разводился с Ирэн, Сомс как-то незаметно для других и для себя удержал за собой управление всеми денежными делами Форсайтов.

После минутного колебания он кивнул Джорджу и вошел в клуб. Со времени смерти в Париже его зятя Монтегью Дарти – смерти, которую каждый объяснял по-своему, соглашаясь лишь в одном, что это не самоубийство, «Айсиум-клуб» казался Сомсу более приличным, чем раньше. Джордж тоже, как ему было известно, успел «перебеситься», растратил свой прежний пыл и окончательно отдался чревоугодию, выбирая лишь самые изысканные блюда, чтобы дальше не полнеть, да сохранил, по его собственным словам, «только двух-трех старых кляч, дабы не утратить окончательно интереса к жизни». Итак, Сомс подсел к своему двоюродному брату у столика в фонаре, не испытывая, как в былые времена, стеснительного чувства, что он совершает нескромность. Джордж протянул ему холеную руку.

– Мы с тобой давно не виделись, с начала войны. Как поживает твоя жена?

– Благодарю, – холодно ответил Сомс, – недурно.

Скрытая усмешка покривила на мгновение мясистое лицо Джорджа и плотоядно притаилась в глазу.

– Этот бельгиец Профон, – сказал он, – прошел у нас в члены клуба. Подозрительный субъект.

– Н-да, – пробурчал Сомс. – О чем ты хотел со мной поговорить?

– О старом Тимоти; он может каждую минуту сорваться с крючка. Завещание он, наверно, составил?

– Да.

– Так вот, тебе или кому-нибудь из нас следовало бы его навестить – как-никак последний из старой гвардии; ведь ему стукнуло сто. Он, говорят, совсем превратился в мумию. Где вы думаете его похоронить? Он заслужил пирамиду.

Сомс покачал головой.

– Похороним его в Хайгете, в фамильном склепе.

– Правильно. Наши дорогие старушки соскучились там по нему. Говорят, он еще проявляет интерес к еде. Он, знаешь ли, может долго протянуть. Нам ничего не причитается за наших стариков? Десять старых Форсайтов жили в среднем по восемьдесят восемь лет. Я высчитал. Государство должно бы выдать за них премию – приравнять их к тройням.

– Это все? – спросил Сомс. – А то мне пора идти.

«Филин ты этакий», – ответили, казалось, глаза Джорджа.

– Да, все. Загляни к старичку в мавзолей – вдруг захочет попророчествовать. – Усмешка замерла в обильных рытвинах на его лице. Он добавил: – Неужели вы, адвокаты, еще не изобрели способа отлынивать от подоходного налога, будь он трижды проклят! Он дьявольски бьет по наследственной ренте. Я привык получать две с половиной тысячи в год, а теперь мне оставили какие-то нищенские полторы тысячи, а жизнь вздорожала вдвое.

– Эге! – промычал Сомс. – Скачки становятся не по карману?

Насмешливо-оборонительная улыбка пробежала по лицу Джорджа.

– Да, – сказал он, – я так воспитан, чтобы ничего не делать, и вот теперь, на склоне лет моих, нищаю с каждым днем. Эти лейбористы намерены драть с нас семь шкур, пока не обернут дочиста. Чем ты думаешь тогда зарабатывать свой хлеб? Я буду работать свои шесть часов

в день – буду обучать политиков искусству понимать юмор. Мой тебе совет, Сомс: пройди в парламент, обеспечь себе четыреста фунтов в год⁸ и найми меня учителем.

И, когда Сомс удалился, он занял свое прежнее место у окна в фонаре.

Сомс шел по Пикадилли, углубившись в размышления, вызванные словами кузена. Он всегда трудился и копил, а Джордж всегда бездельничал и транжирил; и все-таки, если дело дойдет до конфискации, то в первую голову будет ограблен он, бережливый труженик! Это было отрицанием всякой добродетели, ниспровержением всех форсайтских принципов. А может ли цивилизация строиться на каких-либо иных принципах? Сомс полагал, что не может. Правда, картин у него не отберут – не поймут их ценности. Но сколько будут стоить картины, если эти сумасброды начнут нажимать на капитал? Ровным счетом ничего. «Я не за себя тревожусь, – думал он. – Я мог бы жить на пятьсот фунтов в год – в моем возрасте – и не заметил бы разницы». Но Флер! Это состояние, так умно застрахованное, эти сокровища, так старательно выбранные и накопленные, – все это предназначалось для нее. И если окажется, что он не сможет передать или завещать их дочери, тогда жизнь бессмысленна, и что пользы тогда ходить на сумасшедшую футуристическую выставку и раздумывать, есть ли у «будетлян» какое-нибудь будущее?

Как бы там ни было, прибыв в галерею на Корк-стрит, он заплатил свой шиллинг, купил каталог и вошел. По зале слонялось человек десять посетителей. Сомс храбро двинулся к чему-то, что показалось ему похожим на фонарный столб, накренившийся от столкновения с автобусом. Вещь была выдвинута на три шага от стены и в каталоге названа «Юпитером». Сомс с любопытством осматривал ее, так как с недавнего времени уделял некоторое внимание скульптуре. «Если это Юпитер, – думал он, – то какова же Юнона?» И вдруг, как раз напротив, он узрел и ее. Богиня показалась ему как нельзя более похожей на водокачку с двумя рычагами, слегка запорошенную снегом. Он глядел на нее в недоумении, когда налево, рядом с ним, остановились двое.

– Сногсшибательно! – громко сказал один из них.

– Жаргонное словечко! – проворчал про себя Сомс.

Мальчишеский голос другого возразил:

– Брось, старина! Это же издевательство над зрителями. Он, когда мастерил свою олимпийскую парочку, верно, приговаривал: «Посмотрим, как проглотит их наше дурачье». А дурачье глотает и облизывается.

– Ах ты, зеленый зубоскал! Воспович – новатор. Не видишь разве, что он вносит в ваение сатиру? Будущее пластического искусства, музыки, живописи, даже архитектуры – в сатире. Ничего не попишешь. Народ устал – для чувствительности нет почвы: из нас вышибли всякую чувствительность.

– Так. Но я считаю себя вправе питать некоторую слабость к красоте. Я прошел через войну. Вы обронули платок, сэр.

Сомс увидел протянутый ему носовой платок. Он взял его с присущей ему подозрительностью и поднес к носу. Запах был правильный – чуть пахло одеколоном, метка в уголке. Несколько успокоившись, Сомс поднял глаза на молодого человека. У него были уши фавна, смеющийся рот со щеточкой усов над углами губ и маленькие живые глаза. В одежде ничего экстравагантного.

– Благодарю вас, – сказал он и, движимый раздражением против скульптора, добавил: – Рад слышать, что вы цените красоту; в наши дни это редкость.

– Я на ней помешан, – сказал молодой человек. – Но мы с вами, сэр, последние представители старой гвардии.

Сомс улыбнулся.

---

⁸ ...обеспечь себе четыреста фунтов в год... – имеется в виду жалованье члена парламента.

– Если вы в самом деле любите живопись, вот вам моя карточка. В любое воскресенье я могу показать вам несколько недурных картин, если вам придет охота, катаясь по реке, заглянуть ко мне.

– Страшно мило с вашей стороны, сэр. Заскочу непременно. Меня зовут Монт, Майкл Монт.

Он поспешно снял шляпу.

Сомс, уже раскаиваясь в своем внезапном порыве, также слегка приподнял шляпу и покопался на второго из молодых людей. Лиловый галстук, препротивные бачки, точно два слизняка, и презрительно прищуренные глаза – вероятно, поэт!

За много лет Сомс в первый раз допустил подобную оплошность и, взволнованный, уселся в нише. Чего ради ему вздумалось дать свою карточку какому-то вертоплясу, который водится с подобными субъектами? И образ Флер, всегда таившийся за каждым его помыслом, выступил, как с боем часов выступает заводная филигранная фигура на старых курантах. На стенде против ниши висело белое полотно, а на нем множество желто-красных, точно помидоры, кубиков – и больше ничего, как показалось Сомсу из его убежища. Заглянул в каталог: N 32, «Город будущего» – Пол Пост. «Полагаю, тоже сатира, – подумал он. – Ну и чушь!» Но следующая его мысль была уже осторожней. Нельзя торопиться с осуждением. Имела же успех – и очень громкий – полосатая мазня Моне⁹; а пуантилисты¹⁰, а Гоген¹¹? Даже после постимпрессионистов¹² было два-три художника, над которыми смеяться не приходится. За те тридцать восемь лет, что Сомс был ценителем живописи, он наблюдал столько «движений», столько было приливов и отливов во вкусах и в самой технике письма, что мог бы сказать с уверенностью только одно: на всякой перемене моды можно заработать. Возможно, что и теперь перед ним был один из тех случаев, когда надо или подавить в себе врожденные инстинкты, или упустить выгодную сделку. Он встал и застыл перед картиной, мучительно стараясь увидеть ее глазами других. Над желто-красными кубиками оказалось нечто, что он принял было за лучи заходящего солнца, пока кто-то из публики не сказал мимоходом: «Удивительно дан аэроплан, не правда ли» Под кубиками шла белая полоса, иссеченная черными вертикалями, которым Сомс уж вовсе не мог подобрать никакого значения, пока не подошел кто-то еще и не прошептал: «Сколько экспрессии придает этот передний план!» Экспрессия? Выразительность? А что же тут выражено? Сомс вернулся к своему креслу в нише. «Умора», – сказал бы его отец и не дал бы за эту вещь ни полпенни. Экспрессия! На континенте, как он слышал, теперь все поголовно стали экспрессионистами. Докатилось, значит, и до нас. Ему вспомнилась первая волна инфлюэнцы в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом или восьмом году, которая шла, как говорили, из Китая. А откуда, интересно, пошел экспрессионизм? форменная эпидемия!

Между Сомсом и «Городом будущего» остановились женщина и юноша. Они стояли к нему спиной, но Сомс поспешно заслони́л лицо каталогом и, надвинув шляпу, продолжал наблюдать за ними. Он не мог не узнать эту спину, по-прежнему стройную, хотя волосы над ней поседелели. Ирэн! Его разведенная жена Ирэн! А этот юноша, наверное, ее сын – ее сын от Джолиона Форсайта, их мальчик, он на шесть месяцев старше его собственной дочери! И, вновь переживая в мыслях горькие дни развода. Сомс встал, чтобы уйти, но тотчас поспешно сел на прежнее место. Ирэн повернула голову, собираясь что-то сказать сыну; в профиль она была так моложава, что седые волосы казались напудренными, точно на маскараде; а на губах ее

---

⁹ Моне Клод (1840–1926) – французский художник-импрессионист.

¹⁰ Пуантилизм – связанное с импрессионизмом течение во французской живописи конца XIX – начала XX в., представители которого писали мелкими или точечными мазками (пуантилисты, от французского слова «point» – точка).

¹¹ Гоген Поль (1848–1903) – известный художник, представитель направления, известного под названием постимпрессионизм.

¹² Постимпрессионизм – течение, возникшее прежде всего во французской живописи в конце XIX в., для которого были характерны, вместе с отходом от основных принципов импрессионизма, определенные формалистические тенденции.

блуждала улыбка, какой Сомс, первый обладатель этих губ, никогда на них не видел. Он против воли признал, что эта женщина еще красива и что стан ее почти так же молод, как был. А как улыбнулся ей в ответ мальчишка! У Сомса сжалось сердце. Его чувство справедливости было оскорблено. Да, улыбка ее сына вызывала в нем зависть – это превосходило все, что давала ему Флер, и это было незаслуженно! Их сын мог бы быть его сыном. Флер могла бы быть ее дочерью, если бы эта женщина не преступила черту! Он опустил каталог. Если она его увидит – что же, тем лучше. Воспоминание о своем проступке в присутствии сына, который, может быть, ничего не знает о ее прошлом, будет благим перстом Немезиды, который рано или поздно должен коснуться ее! Потом, смутно сознавая, что подобная мысль экстравагантна для Форсайта в его возрасте, Сомс вынул часы. Начало пятого! Флер запаздывает! Она пошла к его племяннице Имоджин Кардиган, и там ее, конечно, угощают папиросами, сплетнями, всякой ерундой. Сомс услышал, как юноша рассмеялся и сказал с горячностью:

– Мамочка, это, верно, кто-нибудь из «несчастненьких» тети Джун?

– Это, кажется, Пол Пост, мой родной.

Сомс вздрогнул от этих двух последних слов: он никогда не слышал их от Ирэн. И вдруг она его увидела. Должно быть, в глазах его отразилась саркастическая улыбка Джорджа Форсайта, так как ее затянутая в перчатку рука крепко сжала складки платья, брови поднялись, лицо окаменело. Она прошла мимо.

– Уродство! – сказал мальчик и снова взял ее под руку...

Сомс глядел им вслед. Мальчик был хорош собой: у него был форсайтский подбородок, глубоко посаженные темно-серые глаза, но что-то солнечное искрилось в его лице, как старый херес в хрустальном бокале, – улыбка ли его? Или волосы? Он лучше, чем они того заслужили – Ирэн с Джолионом. Мать и сын скрылись из виду в соседней комнате, а Сомс продолжал рассматривать «Город будущего», но не видел его. Улыбка скривила его губы, он презирал себя за то, что после стольких лет все еще чувствовал так остро. Призраки! Но когда человек стареет, что остается ему, кроме призраков? Правда, у него есть Флер! И глаза его остановились на входных дверях. Ей пора прийти; но она обязательно должна заставить его ждать! И вдруг перед ним явилась... не женщина – ветер: маленькая легкая фигурка, одетая в сине-зеленый балахон, перехваченный металлическим поясом; из-под ленты на лбу выбивались непокорные красного золота волосы, подернутые сединой. Она остановилась, заговорив со служителями галереи, и что-то очень знакомое дразнило память Сомса: глаза, подбородок, волосы, повадка – что-то в ней напоминало крошечного скай-терьера, ожидающего обеда. Ну конечно! Джун Форсайт! Его двоюродная племянница Джун, и она направляется прямо в его укромный уголок!

Джун в глубокой задумчивости села рядом с ним, достала записную книжку и сделала карандашом пометку. Сомс боялся шелохнуться. Проклятая вещь – родство! «Безвкусица», – услышал он ее шепот; потом, словно в досаде на присутствие постороннего, который может ее подслушать, она взглянула на него. Случилось самое худшее!

– Сомс!

Сомс повернул голову на самую малую толику.

– Как поживаете? – спросил он. – Мы с вами не виделись двадцать лет.

– Да. Что вас сюда привело?

– Не иначе, как мои грехи, – ответил Сомс. – Ну и мазня!

– Мазня? О, конечно! Ведь это еще не получило признания.

– И никогда не получит, – ответил Сомс. – Это должно приносить убийственные убытки.

– Несомненно. И приносит.

– А вы откуда знаете?

– Эта галерея моя.

Сомс в неподдельном изумлении повел носом.

– Ваша? Чего ради вы устраиваете подобные выставки?
– Я не смотрю на искусство как на бакалейную торговлю.

Сомс указал на «Город будущего».

– Взгляните на это! Кто станет жить в таком городе? Или кто повесит такую картину у себя в доме?

Джун загляделась на полотно.

– Это видение, – проговорила она.

– Ерунда!

Наступило молчание. Джун встала. «Чудачка!» – подумал Сомс.

– Кстати, – сказал он вслух, – вы тут встретитесь с младшим сыном вашего отца и с женщиной, которую я знал когда-то. Если хотите, мой вам совет: закройте вы эту выставку.

Джун оглянулась на него.

– Эх вы, Форсайт! – воскликнула она и пошла дальше.

В ее легкой, воздушной фигурке, так внезапно пронесшейся мимо, таилась опасная решимость. Форсайт! Конечно, он Форсайт! Как и она сама! Но с той поры, когда почти что девочкой она ввела в его дом Филипа Босини и сломала его жизнь, его отношения с Джун не ладились и едва ли могли наладиться в дальнейшем. Так вот она теперь какая – по сей день не замужем, владелица галереи!.. Сомсу вдруг пришло на ум, как мало он нынче знает о своих родственниках. Старые тетки, жившие у Тимоти, умерли много лет назад; не стало больше биржи сплетен. Что все они делали во время войны? Сын молодого Роджера был ранен, второй сын Сент-Джона Хэймена убит, старший сын молодого Николаса получил орден Британской империи или чем там их награждают? Все так или иначе приняли участие в войне. Этот мальчишка, сын Джолиона и Ирэн, – он был, пожалуй, слишком молод; его собственное поколение уже, конечно, вышло из возраста, хотя Джайлс Хэймен и работал шофером в Красном Кресте, а Джесс Хэймен служил в добровольной полиции – эти «два Дромио» всегда любили спорт. А сам он – что ж? Он пожертвовал деньги на санитарный автомобиль, до одури читал газеты, перенес много волнений, не покупал костюмов, потерял семь фунтов веса; вряд ли он мог в своем возрасте сделать больше. Но как подумаешь, так поражает, право, насколько иначе и он и вся его семья отнеслись к этой войне, чем хотя бы к той истории с бурами, в которую империя тоже как будто вложила все свои силы. Правда, в той, старой, войне его племянник Вэл Дарти получил ранение, сын Джолиона умер от дизентерии; «два Дромио» пошли в кавалерию, а Джун в сестры милосердия; но все это делалось тогда в порядке чего-то чрезвычайного, знаменательного, тогда как в эту войну каждый «вносил свою лепту» как нечто само собой разумеющееся так по крайней мере казалось Сомсу. В этом проявлялся рост чего-то нового или, может быть, вырождение старого? Форсайты сделались меньшими индивидуалистами? Или большими патриотами? Или меньшими провинциалами? Или просто тут сказалась ненависть к немцам? Почему нет Флер? Из-за нее он не может отсюда уйти! Сомс увидел, как те трое вернулись все вместе из второго зала и пошли вдоль стенда с той стороны. Мальчик остановился перед Юноной. И вдруг по другую сторону ее Сомс увидел... свою дочь. Ее брови были высоко подняты – вполне естественно. От Сомса не ускользнуло, что Флер поглядывает искоса на мальчика, а мальчик на нее. Затем Ирэн мягко взяла его под руку и увела прочь. Сомс видел, что он оглянулся, а Флер посмотрела им вслед, когда они все трое выходили из зала.

Веселый голос сказал:

– Немного пересолено, сэр, не правда ли?

Молодой человек, который подал ему тогда платок, опять очутился рядом. Сомс кивнул головой:

– Не знаю, куда мы идем.

– О, все в порядке, сэр! – весело подхватил молодой человек. – Они тоже не знают.

Голос Флер сказал:

– Здравствуй, папа! Вот и ты!

Точно не она его заставила ждать, а он ее!

Молодой человек, приподняв шляпу, пошел дальше.

Сомс осмотрел дочь с головы до ног.

– Ты у меня аккуратная молодая женщина!

Это его драгоценнейшее в жизни достояние было среднего роста и умеренных тонов. Темно-каштановые волосы были коротко острижены; широко расставленные карие глаза вправлены в такие яркие белки, что они блестели, когда двигались, но в покое казались почти что сонными под завесой очень белых век, отороченных черными ресницами. У нее был очаровательный профиль, и в ее лице нельзя было отметить ничего отцовского, кроме решительного подбородка. Сознывая, что его взгляду свойственно смягчаться, когда он направлен на дочь, Сомс нахмурился, чтобы соблюсти приличествующую истому Форсайту невозмутимость. Он знал, что дочь слишком склонна выгодно пользоваться его отцовской слабостью.

Взяв его под руку. Флер спросила:

– Кто это?

– Он поднял мне платок. Мы с ним разговорились о картинах.

– Надеюсь, папа, ты не купишь это?

– Нет, – угрюмо проговорил Сомс, – ни это, ни Юнону, на которую ты так засмотрелась. Флер потянула его за рукав.

– Ах, уйдем отсюда! Отвратительная выставка!

В дверях они опять встретились с Монтон и его товарищем. Но Сомс вывесил дощечку с надписью «Посторонним вход воспрещается» и едва ответил на поклон молодого человека.

– Так, – сказал он, выходя с дочерью на улицу, – кого ты видела у Имоджин?

– Тетю Уинифрид и мсье Профона.

– А, бельгиец! – проворчал Сомс. – Что в нем находит твоя тетка?

– Не знаю. Он очень себе на уме. И маме он тоже нравится.

Сомс что-то промычал.

– А еще там были Вэл и его жена.

– Да? – сказал Сомс. – Я думал, они давно уехали обратно в Южную Африку.

– О нет! Они продали свою ферму. Кузен Вал собирается объезжать скаковых лошадей в Сэссексе. Они купили прелестное старинное имение; приглашали меня к себе.

Сомс кашлянул: новость была ему не по вкусу.

– Какова она теперь, его жена?

– Очень спокойная, но, кажется, милая.

Сомс опять кашлянул.

– Вертопрах он, твой кузен Вэл.

– Ну что ты, папа! Они страшно любят друг друга. Я обещала приехать к ним в субботу и погостить до среды.

– Объезжать скаковых лошадей! – повторил Сомс.

Это само по себе было достаточно скверно, но причина его недовольства заключалась в другом: какого черта его племянник вернулся из Африки? Мало им было его собственного развода, так нет же, понадобилось еще, чтобы его родной племянник женился на дочери его соперника – на единокровной сестре Джун и того мальчишки, на которого Флер поглядывала только что из-под рычага водокачки. Если не принять мер, Флер выведает все о его старых невзгодах! Столько неприятностей сразу! Налетели на него сегодня, точно пчелиный рой!

– Я не одобряю этой поездки, – сказал он.

– Мне хочется посмотреть скаковых лошадей, – ответила Флер, – и они обещали поучить меня ездить верхом. Ты знаешь, Вэл не может много ходить; но он превосходный наездник. Он мне покажет своих лошадей на галопе.

– Уж эти мне скачки! – сказал Сомс. – Жаль, что война не пристукнула их окончательно. Вэл, я боюсь, пошел в своего отца.

– Я ничего не знаю о его отце.

– Н-да, – промычал Сомс. – Он увлекался лошадьми и умудрился сломать себе шею в Париже на какой-то глупой лестнице. Для твоей тетки это было счастливым избавлением.

Сомс насупился, вспоминая следствие по поводу этой самой лестницы, на которое он ездил в Париж шесть лет назад, потому что Монтегью Дарти уже не мог сам на нем присутствовать, – обыкновенная лестница в доме, где играют в баккара. Выигрыши ли ударили его зятю в голову? Или тот способ, которым он их отпраздновал? Французские следователи очень невнимательно отнеслись к делу; на долю Сомса выпало немало хлопот.

Голос Флер вывел его из задумчивости:

– Смотри! Те самые люди, которых мы видели в галерее.

– Какие люди? – пробурчал Сомс, хотя отлично понял, о ком она говорит.

– Красивая женщина, правда?

– Зайдем сюда, тут вкусные пирожные, – отрезал Сомс и, крепче прижав к груди ее локоть, завернул в кондитерскую. С его стороны это было очень необычно, и он сказал смущенно: – Что для тебя заказать?

– Ох, я ничего не хочу. Меня угостили коктейлем, а завтрак был семиэтажный.

– Надо заказать что-нибудь, раз мы зашли, – пробормотал Сомс, не выпуская ее руки.

– Два стакана чая, – сказал он, – и две порции нуги, но не успел он сесть, как сердце снова забило тревогу, побуждая его обратиться в бегство. Те трое... те трое тоже вошли в кондитерскую. Сомс услышал, как Ирэн что-то сказала сыну, а тот ответил:

– Ах, нет, мамочка, прекрасная кондитерская. Самая моя любимая.

И они втроем заняли столик.

В это мгновение, самое неловкое за всю его жизнь, осаждаемый призраками и тенями прошлого в присутствии двух женщин, которых только и любил он в жизни: своей разведенной жены и своей дочери от ее преемницы, – Сомс боялся не столько их, сколько своей двоюродной племянницы Джун. Она может устроить сцену, может познакомить этих двух детей – она способна на все. Он слишком поспешно стал кусать нугу, и она завязла на его вставных зубах. Прибегнув к помощи пальцев, он взглянул на Флер. Девушка сонно жевала нугу, но глаза ее были устремлены на юношу. Форсайт в Сомсе говорил: «Только начни чувствовать, думать – и ты погиб!» И он стал отчаянно отковыривать нугу. Вставные зубы! Интересно, у Джолиона тоже вставные зубы? А у этой женщины? Было время, когда он ее видел всю, как есть, без всяких прикрас, даже без платья. Этого у него никто не отнимет. И она тоже это помнит, хоть и сидит здесь спокойная, уверенная, точно никогда не была его женой. Едкая ирония шевелилась в его форсайтской крови – острая боль, граничившая с наслаждением. Только бы Джун не двинула на него весь вражий стан! Мальчик заговорил:

– Конечно, тетя Джун («Так он зовет сестру тетей? Впрочем, ей ведь под пятьдесят!»), ты очень добра, что поддерживаешь их и поощряешь. Но, по-моему, ну их совсем!

Сомс украдкой поглядел на них: встревоженный взгляд Ирэн неотступно следил за мальчиком. Она... она была способна на нежность к Босини, к отцу этого мальчика, к этому мальчику! Он тронул Флер за руку и сказал:

– Ну, ты кончила?

– Еще порцию, папа, пожалуйста.

Ее стошнит! Сомс подошел к кассе заплатить. Когда он снова обернулся, Флер стояла у дверей, держа в руке платок, который мальчик, по-видимому, только что подал ей.

– Ф. Ф., – услышал он ее голос. – Флер Форсайт, правильно, мой. Благодарю вас.

Боже правый! Как она переняла трюк, о котором он сам только что рассказал ей в галерее, – маргышка!

- Форсайт? Неужели? Моя фамилия тоже Форсайт. Мы, может быть, родственники?
- Да, вероятно. Других Форсайтов нет. Я живу в Мейплдерхеме, а вы?
- В Робин-Хилле.

Вопросы и ответы чередовались так быстро, что Сомс не успел пошевелить пальцем, как все было кончено. Он увидел, что лицо Ирэн загорелось испугом, едва заметно покачал головой и взял Флер под руку.

– Идем, – сказал он.

Она не двигалась.

– Ты слышал, папа? Как странно: у нас одна и та же фамилия. Мы родственники?

– Что такое? – сказал он. – Форсайт? Верно дальние.

– Меня зовут Джолион, сэ. Сокращенно – Джон.

– А! О! – сказал Сомс. – Да. Дальние родственники. Как поживаете? Вы очень любезны.

Прощайте!

Он пошел.

– Благодарю вас, – сказала Флер. – Au revoir!

– Au revoir, – услышал Сомс ответ мальчика.

II. Хитрая Флер Форсайт

По выходе из кондитерской первым побуждением Сомса было сорвать свою досаду, сказав дочери: «Что за манера ронять платки!» – на что она с полным правом могла бы ответить: «Эту манеру я переняла от тебя!» А потому вторым его побуждением было, как говорится, «не трогать спящую собаку». Но Флер, несомненно, сама пристанет с вопросами. Он искоса поглядел на дочь и убедился, что она точно так же смотрит на него. Она сказала мягко:

– Почему ты не любишь этих родственников, папа?

Сомс приподнял уголки губ.

– С чего ты это взяла?

– *Cela se voit*¹³.

«Это себя видит» – ну и выражение!

Прожив двадцать лет с женой-француженкой. Сомс все еще недолюбливал ее язык: какой-то театральный. К тому же в сознании Сомса этот язык ассоциировался со всеми тонкостями супружеской иронии.

– Почему? – спросил он.

– Ты их, конечно, знаешь, а между тем и виду не подал. Я заметила, они глядели на тебя.

– Этого мальчика я видел сегодня в первый раз в жизни, – возразил Сомс, и сказал чистую правду.

– Да, но остальных ты знал, дорогой мой.

Он опять искоса поглядел на дочь. Что она выведала? Не проболталась ли Унифрид, или Имоджин, или Вэл Дарти и его жена? Дома при Флере тщательно избегали всякого намека на тот старый скандал, и Сомс много раз говорил Унифрид, что в присутствии его дочери о нем и заикаться нельзя. Ей не полагалось знать, что в прошлом у ее отца была другая жена. Но темные глаза Флер, часто почти пугавшие Сомса своим южным блеском, смотрели на него совсем невинно.

– Видишь ли, – сказал он, – между твоим дедом и его братом произошла ссора. С тех пор обе семьи порвали всякое знакомство.

– Как романтично!

«Что она подразумевает под этим словом?» – подумал Сомс. Оно ему казалось экстравагантным и опасным, а прозвучало оно так, как если бы Флер сказала: «Как мило!»

– И разрыв продолжается по сей день, мы не возобновляем знакомства, – добавил он, но тотчас пожалел об этих словах, прозвучавших как вызов.

Флер улыбнулась. По нынешнему времени, когда молодежь кичится своей самостоятельностью и презрением к такому предрассудку, как приличия, этот вызов должен был раздражить ее своенравие. Потом, вспомнив выражение лица Ирэн, он вздохнул свободнее.

– А какая ссора? Из-за чего? – услышал он вопрос дочери.

– Из-за дома. Для тебя это дело далекого прошлого. Твой дедушка умер в тот самый день, когда ты родилась. Ему было девяносто лет.

– Девяносто? А много есть еще Форсайтов, кроме тех, которые значатся в «Красной книге?»¹⁴

– Не знаю, – сказал Сомс. – Они теперь все разбрелись. Из старшего поколения все умерли, кроме Тимоти.

– Тимоти! – Флер всплеснула руками. – Как забавно!

---

¹³ Сразу видно (*фр.*).

¹⁴ «Красная книга» – справочник, содержащий основные сведения о наиболее известных представителях семей, относящихся к высшим слоям общества.

– Ничуть! – проворчал Сомс.

Его оскорбило, что Флер нашла имя «Тимоти» забавным, как будто в этом скрывалось пренебрежение к его предкам. Новое поколение готово смеяться над всем прочным и стойким. «Загляни к старичку, пусть попророчествует». Ах! Если б Тимоти мог видеть беспокойную Англию своих внучатых племянников и племянниц, он, конечно, сказал бы о них крепкое словцо. И невольно Сомс поднял глаза на окна «Айсиум-клуба»; да, Джордж все еще сидит у окна с тем же розовым листком в руке.

– Папа, где это Робин-Хилл?

Робин-Хилл! Робин-Хилл, вокруг которого разыгралась та старая трагедия! К чему ей знать?

– В Сэрри, – пробормотал он, – неподалеку от Ричмонда. А что?

– Не там ли этот дом?

– Какой дом?

– Из-за которого вышла ссора.

– Да. Но что тебе до этого? Мы завтра едем домой, ты бы лучше подумала о своих нарядах.

– Благодарю! Они все уже обдуманы. Ссора, кровная вражда! Как в Библии или как у Марка Твена – вот занятно! А какую ты играл роль в вендетте, папа?

– Тебе до этого нет дела.

– Как! Но я ведь должна ее поддерживать?

– Кто тебе это сказал?

– Ты сам, дорогой мой.

– Я? Я, наоборот, сказал, что к тебе это не имеет никакого касательства.

– И я так думаю. Значит, все в порядке.

Она была слишком хитра для него: fine, как выражалась иногда о дочери Аннет. Остается только как-нибудь отвлечь ее внимание.

– Тут выставлено хорошее кружево, – сказал он, останавливаясь перед витриной. – Тебе должно понравиться.

Когда Сомс уплатил и они снова вышли на улицу, Флер сказала:

– По-моему, мать того мальчика для своего возраста очень красивая женщина. Я красивой не видела. Ты не согласен?

Сомс задрожал. Что за напасть! Дались ей эти люди!

– Я не обратил на нее внимания.

– Дорогой мой, я видела, как ты поглядывал на нее.

– Ты видишь все и еще много сверх того, что есть на самом деле!

– А что представляет собой ее муж? Ведь он тебе двоюродный брат, раз ваши отцы были братья.

– Не знаю, скорей всего умер, – с неожиданной силой сказал Сомс. – Я не видел его двадцать лет.

– Кем он был?

– Художником.

– Вот как? Чудесно!

Слова: «Если хочешь меня порадовать, брось думать об этих людях» – просились Сомсу на язык, но он проглотил их – ведь он не должен был выказывать перед дочерью свои чувства.

– Он меня однажды оскорбил, – сказал он.

Ее быстрые глаза остановились на его лице.

– Понимаю! Ты не отомстил, и тебя это гложет. Бедный папа! Ну, я им задам!

Сомс чувствовал себя так, точно лежал в темноте и над лицом его кружился комар. Такое упорство со стороны Флер было ему внове, и, так как они уже дошли до своего отеля, он проговорил угрюмо:

– Я сделал все, что мог. А теперь довольно об этих людях. Я пройду к себе до обеда.

– А я посижу здесь.

Бросив прощальный взгляд на дочь, растянувшуюся в кресле, – полудосадливый, полувлюбленный взгляд, – Сомс вошел в лифт и был вознесен к своим апартаментам в четвертом этаже. Он стоял в гостиной у окна, глядевшего на Хайд-парк, и барабанил пальцами по стеклу. Он был смущен, испуган, обижен. Зудела старая рана, зарубцевавшаяся под действием времени и новых интересов, и к этому зуду примешивалась легкая боль в пищеводе, где бунтовала нуга. Вернулась ли Аннет? Впрочем, он не искал у нее помощи в подобных затруднениях. Когда она приступала к нему с расспросами о его первом браке, он всегда ее обрывал; она ничего не знала о его прошлом, кроме одного – что первая жена была большою страстью его жизни, тогда как второй брак был для него только сделкой. Она поэтому затаила обиду и при случае пользовалась ею очень расчетливо. Сомс прислушался. Шорох, смутный звук, выдающий присутствие женщины, доносился через дверь. Аннет дома. Он постучал.

– Кто там?

– Я, – отозвался Сомс.

Она переодевалась и была не совсем еще одета. Эта женщина имела право любоваться на себя в зеркале. Были великолепны ее руки, плечи, волосы, потемневшие с того времени, когда Сомс впервые познакомился с нею, и поворот шеи, и шелковое белье, и серо-голубые глаза под темными ресницами – право, в сорок лет она была так же красива, как в дни первой молодости. Прекрасное приобретение: превосходная хозяйка, разумная и достаточно нежная мать. Если б только она не обнажала так цинично сложившиеся между ними отношения! Питая к ней не больше нежности, чем она к нему, Сомс, как истый англичанин, возмущался, что жена не набрасывает на их союз хотя бы тончайшего покрова чувств. Как и большинство его соотечественников, он придерживался взгляда, что брак должен основываться на взаимной любви, а когда любовь иссякнет или когда станет очевидным, что ее никогда не было – так что брак уже явно зиждется не на любви, – тогда нужно гнать это сознание. Брак есть, а любви нет, но брак означает любовь, и надо как-то тянуться. Тогда все удовлетворены, и вы не погрязаете в цинизме, реализме и безнравственности, как французы. Мало того, это необходимо в интересах собственности. Сомс знал, что Аннет знает, что оба они знают, что любви между ними нет. И все-таки он требовал, чтобы она не признавала этого на словах, не подчеркивала бы своим поведением, и он никогда не мог понять, что она имеет в виду, обвиняя англичан в лицемерии. Он спросил:

– Кто приглашен к нам в Шелтер на эту неделю?

Аннет слегка провела по губам помадой – Сомс всегда предпочитал, чтобы она не красила губ.

– Твоя сестра Уинифрид, Кардиганы, – она взяла тонкий черный карандашик, – и Проффон Профон.

– Бельгиец? Зачем он тебе?

Аннет лениво повернула шею, подчеркнула ресницы на одном глазу и сказала:

– Он будет развлекать Уинифрид.

– Хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь развлек Флер; она стала капризной.

– Капризной? – повторила Аннет. – Ты это в первый раз заметил, друг мой? Флер, как ты это называешь, капризна с самого рождения.

Неужели она никогда не избавится от своего картавого «р»? Он потрогал платье, которое она только что сняла, и спросил:

– Что ты делала это время?

Аннет посмотрела на его отражение в зеркале. Ее подкрашенные губы улыбались полурадостно, полунасмешливо.

– Жила в свое удовольствие, – сказала она.

– Угу! – угрюмо произнес Сомс. – Бантики?

Этим словом Сомс обозначал непостижимую для мужчины женскую беготню по магазинам.

– У Флер достаточно летних платьев?

– О моих ты не спрашиваешь.

– Тебе безразлично, спрашиваю я или нет.

– Совершенно верно. Так если тебе угодно знать, у Флер все готово, и у меня тоже, и стоило это неизмеримо дорого!

– Гм! – сказал Сомс. – Что делает этот Профон в Англии?

Аннет подняла только что наведенные брови.

– Катается на яхте.

– Ах так! Он какой-то сонный.

– Да, иногда, – ответила Аннет, и на ее лице застыло спокойное удовлетворение. – Но иногда с ним очень весело.

– В нем чувствуется примесь черной крови.

Аннет томно потянулась.

– Черной? – переспросила она. – Почему? Его мать была агтэпиенне.

– Может, поэтому, – проворчал Сомс, – он понимает что-нибудь в живописи?

– Он понимает во всем – светский человек.

– Ну, хорошо. Пригласи кого-нибудь для Флер. Надо ее развлечь. В субботу она едет к Вэлу Дарти и его жене; мне это не нравится.

– Почему?

Так как действительную причину нельзя было объяснить, не вдаваясь в семейную хронику, Сомс ответил просто:

– Пустая трата времени. Она и так отбилась от рук.

– Мне нравится маленькая миссис Вэл: она спокойная и умная.

– Я о ней ничего не знаю, кроме того, что она... Ага, это что-то новое!

Сомс поднял с кровати сложнейшее произведение портновского искусства.

Аннет взяла платье из его рук.

– Застегни мне, пожалуйста, на спине.

Сомс стал застегивать. Заглянув через ее плечо в зеркало, он уловил выражение ее лица – чуть насмешливое, чуть презрительное, говорившее как будто: «Благодарю вас! Вы этому никогда не научитесь!» Да, не научится – он, слава богу, не француз! Кое-как справившись с трудной задачей, он буркнул, пожав плечами: «Слишком большое декольте!» – и пошел к двери, желая поскорее избавиться от жены и спуститься к Флер.

Пуховка застыла в руке Аннет, и неожиданно резко сорвались слова:

– *Que tu es grossier!*¹⁵

Это выражение Сомс помнил – и недаром. Услышав его в первый раз от жены, он подумал, что слова эти значат: «Ты – бакалейщик!»¹⁶ – и не знал, радоваться ему или печалиться, когда выведал их подлинное значение. Сейчас они его обидели – он не считал себя грубым. Если он груб, то как же назвать человека в соседнем номере, который сегодня утром производил отвратительные звуки, прополаскивая горло; или тех людей в салоне, которые считают признаком благовоспитанности говорить не иначе, как во все горло, чтобы слышал весь дом, –

---

¹⁵ Как ты груб! (*фр.*)

¹⁶ По созвучию с английским «grosser».

пустоголовые крикуны! Груб? Только потому, что сказал ей насчет декольте? Но оно в самом деле велико! Не возразив ни слова, он вышел из комнаты.

Войдя в салон, он сразу увидел Флер на том же месте, где оставил ее. Она сидела, закинув ногу на ногу, и тихо покачивала серой туфелькой – верный признак, что девушка замечталась. Это доказывали также ее глаза – они у нее иногда вот так уплывают вдаль. А потом – мгновенно – она очнется и станет быстрой и непоседливой, как мартышка. И как много она знает, как она самоуверенна, а ведь ей нет еще девятнадцати лет. Как говорится – девчонка. Девчонка? Неприятное слово! Оно означает этих отчаянных вертихвосток, которые только и знают, что пищать, щебетать да выставлять напоказ свои ноги! Худшие из них – злой кошмар, лучшие – напудренные ангелочки! Нет, Флер не вертихвостка, не какая-нибудь разбитная, невоспитанная девчонка. Но все же она отчаянно своенравна, жизнерадостна и, кажется, твердо решила наслаждаться жизнью. Наслаждаться! Это слово не вызывало у Сомса пуританского ужаса; оно вызывало ужас, отвечавший его темпераменту. Сомс всегда боялся наслаждаться сегодняшним днем из страха, что меньше останется наслаждений на завтра. И его пугало сознание, что дочь его лишена этой бережливости. Это явствовало даже из того, как она сидит в кресле – сидит, отдавшись мечтам, – сам он никогда не отдавался мечтам: из этого ничего не извлечешь, – и откуда это у Флер? Во всяком случае, не от Аннет. А ведь в молодости, когда он за ней ухаживал, Аннет была похожа на цветок. Теперь-то не похожа.

Флер встала с кресла – быстро, порывисто – и бросилась к письменному столу. Схватив перо и бумагу, она начала писать с таким рвением, словно не имела времени перевести дыхание, пока не допишет письмо. И вдруг она увидела отца. Выражение отчаянной сосредоточенности исчезло, она улыбнулась, послала воздушный поцелуй и состроила милую гримаску легкого смущения и легкой скуки.

Ах! И хитрая она – действительно fine!

III. В Робин-Хилле

Девятнадцатую годовщину рождения сына Джолион Форсайт провел в Робин-Хилле, спокойно предаваясь своим занятиям. Он теперь все делал спокойно, так как сердце его было в печальном состоянии, а он, как и все Форсайты, не дружил с мыслью о смерти. Он и сам не понимал, до какой степени мысль о ней была ему противна, пока в один прекрасный день, два года назад, не обратился к своему врачу по поводу некоторых тревожных симптомов, и тот ему объявил:

«В любую минуту, от любого напряжения».

Он принял это с улыбкой – естественная реакция Форсайта на неприятную истину. Но с усилением симптомов в поезде на обратном пути он постиг во всей полноте смысл висевшего над ним приговора. Оставить Ирэн, своего мальчика, свой дом, свою работу, как ни мало он теперь работает! Оставить их для неведомого мрака, для состояния невообразимого, для такого небытия, что он даже не будет ощущать ни ветра, колышущего листву над его могилой, ни запахов земли и травы. Такого небытия, что он никогда, сколько бы ни старался, не мог его постичь – все оставалась надежда на новое свидание с теми, кого он любил! Представить себе это – значило пережить сильнейшее душевное волнение. В тот день, еще не добравшись до дому, он решил ничего не сообщать Ирэн. Придется ему стать осторожнейшим в мире человеком, ибо любая мелочь может выдать его и сделать ее почти столь же несчастной, как и он сам. По остальным статьям врач нашел его здоровым; семьдесят лет – это ведь не старость: он долго еще проживет, если сумеет!

Подобное решение, выполняемое в течение почти двух лет, способствует полному развитию всех тончайших свойств характера. Мягкий по природе, способный на резкость только когда разнервничается, Джолион превратился в воплощенное самообладание. Грустное терпение стариков, вынужденных щадить свои силы, прикрывалось улыбкой, которую он сохранял даже наедине с собою. Он постоянно изобретал всяческие покровы для этой вынужденной бережности к самому себе.

Сам над собою смеясь, он играл в опрощение: отказался от вина и сигар, пил особый кофе, не содержащий ни признака кофе. Словом, под маской мягкой иронии обезопасил себя настолько, насколько это возможно для Форсайта в его положении. Уверенный, что его не накроют, так как жена и сын уехали в город, он провел тот чудесный майский день, спокойно разбирая свои бумаги, чтобы можно было хоть завтра умереть, никому не причинив хлопот, – подвел последний баланс своим материальным делам. Разметив бумаги и заперев их в старый китайский ларец своего отца, Джолион заклеил ключ в конверт, на конверте написал: «Ключ от китайского ларца, где найдете отчет о всех моих материальных делах. Дж. Ф.» – и положил его в карман на груди, чтобы он, на всякий случай, был всегда при нем. Потом, позвонив, чтобы подали чай, пошел и сел за стол под старым дубом.

Смертный приговор висит над каждым; Джолион, для которого только срок был несколько более точным и близким, так сжился с мыслью о приговоре, что обычно он, как и другие, думал о других вещах. Сейчас он думал о сыне.

Джону в этот день исполнилось девятнадцать лет, и Джон недавно пришел к решению. Пройдя курс не в Итоне, как его отец, и не в Хэрроу, как его покойный брат, но в одном из тех заведений, которые ставят себе целью устранить недостатки и сохранить преимущества системы старых закрытых школ, а на деле в большей или меньшей мере сохраняют ее недостатки и устраняют преимущества, Джон в апреле месяце кончил школу, абсолютно не ведая, кем он хочет быть. Война, обещавшая длиться вечно, кончилась как раз к тому времени, когда он собрался (за шесть месяцев до срока) вступить в армию. До сих пор война мешала ему освоиться с мыслью, что он может свободно выбирать себе дорогу. Несколько раз он заво-

дил с отцом разговор, в котором выказывал веселую готовность ко всему, кроме, конечно, церкви, армии, юриспруденции, сцены, биржи, медицины, торговли и техники. Джолион сделал отсюда вполне логичный вывод, что Джон не питает склонности ни к чему. В этом возрасте он и сам переживал в точности то же. Но для него эта приятная неопределенность вскоре окончилась из-за ранней женитьбы и ее несчастных последствий. Он был вынужден сделаться агентом страхового общества, но снова стал богатым человеком, прежде чем его талант художника достиг расцвета. Однако, обучив своего мальчика рисовать свинок, собак и прочих животных, Джолион понял, что Джон никогда не будет живописцем, и склонился к выводу, что за его отвращением ко всему скрывается намерение стать писателем. Однако, придерживаясь взгляда, что и для этой профессии необходим опыт, Джолион пока ничего не мог придумать для сына, кроме университета, путешествий да, пожалуй, подготовки к карьере адвоката. А там... там видно будет, а вернее, ничего не будет видно. Однако и перед этими предложенными ему соблазнами Джон оставался в нерешительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.